

Журнал "Смена"

№ 09,1951

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Смена": № 09,1951 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-458-52914-3

Журнал "Смена" - иллюстрированный гуманитарный журнал, с литературной направленностью. Был основан в 1924 году и был самым массовым журналом для молодежи в Советском Союзе. В начале 1990-х общий тираж журнала составил три миллиона экземпляров. "Смена" был основан решением ЦК РКСМ как журнал рабочей молодежи. Особенно-стью "Смены" всегда была литературная составляющая, часто премьерная публикация произведений была в этом журнале. Так, в первый же год издания был опубликован отрывок из повести Серафимовича "Железный поток". В разные годы в журнале печатались К. Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Алексей Толстой. После войны журнал вышел за рамки молодежной аудитории и стал популярен еще больше. В журнале "Смена" состоялась литературная премьера Станислава Лемма - впервые на русском языке был опубликован его рассказ "Проверка лояльности". В семидесятые журнал "Смена" стал журналом в котором впервые был напечатан Кир Булычев.

ISBN 978-5-458-52914-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ленно, потом стремительней, ощутившей приобретая новые и новые черты достоверности.

— Позвольте, — сказал он, — а не встречались ли мы с вами в Берлине?

— В Берлине? — она, видимо, не могла припомнить.

— Ну да! В большом доме возле императорского дворца. Там недалеко был канал.

— Канал? — она начинала припоминать. — И памятник? Да? А на тротуаре валялись бумаги?

— Вы видите, — сказал Сеня, — значит, мы всё-таки с вами встречались.

2

Вот как произошла эта встреча.

Утро десятого мая 1945 года было в Берлине облачным. Всю ночь шёл дождь, и на рассвете берлинский асфальт был таким, каким его любили когда-то снимать кинооператоры фирмы «Уфа»: обрызганный дождевыми каплями и как бы отлакированный. Пепел и чёрные сосульки летали по воздуху. Столбы дыма валились в рассветный туман, пропахший горькой гарью и сыростью. Над рекой клубилась испарина, то застывавшая, то протокрывавшая просторную перспективу набережных с их заводскими трубами, тяжёлыми кранами, серыми зданиями складов, банков, жилых домов, украшенных фигурами нимф и меркуриев. Эстакада надземной городской железной дороги подходила к реке и, взорванная, обрывалась на полувзлёте. Бесформенные груды металла виднелись внизу, омываемые сердитой рябой водой. По этим ползатополенным металлическим островкам наши связисты тянули провод на западный берег реки.

На западном берегу реки было куда больше пепла и чёрных сосулек, летавших по ветру. У самой воды стоял уцелевший дом с балкончиками, уютными засохшим плющом, с пивной-кегельбаном, где на витрине был изображён толстый немец в подтяжках, с кружкой в одной руке и с кегельным шаром в другой. Дальше, по направлению к императорскому дворцу, не было уже ничего полностью уцелевшего. Словно гигантская лопата, вонзилась в утробу города и вывернула наружу всё, что скрыто землёй или стенами. На мостовой лежали водопроводные трубы, разодранные телефонные кабели, разбитые кассовые аппараты, шкафы, комоды, кровати, обрывки мундиров, штор, резиновых фартуков, шляп, скатертей, мясорубки, кукулы, перины...

Тысячи тысяч людей, освобождённых Советской Армией из гитлеровских концлагерей, двигались среди обломков на восток. Они шли через Шпрее по восточным пригородам столицы и дальше, по улочкам бранденбургских городков, мимо красных автоколонок, аптекарских магазинов, кирх, ратуш, гастхофов и городских общинных бомбоубежищ, похожих на огромные лысые серые холмы. Они брели по шоссе с тележками, тачками и колясочками, в которых лежали их вещи; мимо домов и сараев, где на стенах ещё виднелись надписи, предупреждавшие о необходимости затенения: «Свет — твоя смерть!»; мимо заборов с рекамами берлинских газет, чернил «пеликан», пружинных матрацев и клеверного сена; мимо разрушенных баррикад, на которых значилось: «Гитлер есть и будет в Берлине!»; мимо сельских пивных, где в окнах висели плакаты с изображением чёрного человека в шляпе, приложившего палец к губам: «Тсс!.. Враг подслушивает тебя!»

Вечером вся эта масса людей сходила с дорог и располагалась на ночлег, вывешивая на длинных шестах свои национальные флаги. И в свете закатного солнца над хижинами, коровниками, огородами, оврагами, лесными вырубками колыхались флаги почти всех наций мира.

В то утро Сеня Жмельков сидел за столом и расчерчивал ведомости, которые надлежало отправить в штаб полка. Батальон, которым командовал Сеня, разместили в метрах в трёхстах от Унтер-ден-Линден, в квартире бежавшего офицера-эсэсовца. На стенах цвета небесной лазури висели фото военных парадов, где бывой хозяин квартиры изображался в разных костюмах и в разные времена, но неизменно с поднятой вверх рукой и выгнутой грудью. В шкафу валялись шпоры, наусники, массажные щётки, два кастета, пузёрки из-под одеколона и лекарств, револьверные обоймы и полотенца с вышитыми на них изречениями в виде искусно загнутых кределей: «Лучше мало, но честно, чем много, но бесчестно».

Одни окна квартиры выходили на канал, зелёный, зацветший, забитый бумагой, обрубками брёвен, кусками мебели, медленно плывшими по течению. Из других окон был виден императорский замок с прозеленью статуй и оров, памятник Вильгельму на коне о трёх ногах — одна нога у коня была отбита и валялась неподалёку, уткнувшись копытом в полосатую гитлеровскую зенитку. Далее были видны думы, площадь Люстгартена с английскими танками, захваченными ещё в ту войну, цейхгауз со скульптурными украшениями, монумент Фридриху Первому, замуро-

ванный от бомбёжек в кирпичный мешок, и немки в брюках, стоявшие в длинных очередях за водой.

Сеня расчерчивал графы в ведомостях и писал, когда вдруг посыпались сердитые разноязычные голоса, неясный горячий говор. Вошёл автоматчик и доложил, что какой-то сержант спрашивает командира батальона.

— Откуда сержант?

— Не нашей дивизии... С какими-то заграничными. Вроде фрицы.

— Пусть войдёт.

Автоматчик лихо оторвал ладонь от пилотки, сделал пол-оборота и остановился.

— Да нет, не фрицы! — сказал он и вышел.

Появился сержант. Это была та самая Варя, которая сидела сейчас рядом с Сеней во дворе полевого стана, в блестящей огнями южной степи. Тогда она была в шинели, с автоматом через плечо, в пилотке и тяжёлых походных сапогах. Сеня поднял голову от своих ведомостей.

— В чём дело, товарищ сержант?

— Американцев к вам привела, товарищ капитан.

— Ко мне?

— Да. Я их задержала. Тут рядом, в доме.

— Не понимаю. Как так задержали? За что?

— Они людей вешали.

Некоторое время Сеня и девушка молча глядели друг на друга.

— Иду мимо, слышу: кричат, — сказала девушка. — Ну, я вошла. А они немцев вешают. Четыре американца... Я их всех сюда привела, — добавила она.

— Одна — четверых?

— Зачем одна! Я ребят позвала. Шли миномётчики, я позвала.

Через минуту в комнату уже входили четыре американских офицера. Один из них, полковник в пилотке, с резной тростью в руке, приблизился к Сене, отдал честь и уселся в кресле. Это был мужчина среднего роста, очень гладкий, чистый, приятный, с голубыми, вылинявшими от улыбок глазами, с приветливыми манерами, с любезностью и обходительностью истинно благовоспитанного человека. Остальные американцы — два вторых лейтенанта и один первый — разместились на стульях, приветливо улыбаясь и непринуждённо переговариваясь. Полковник тут же заговорил, покойно, почтительно, сдержанно, — видимо, рассказывал подробности происшествия. Сеня остановил его движением руки.

— Попросите сюда старшего лейтенанта Ускова, — обратился он к автоматчику.

Усков командовал ротой, до войны был доцентом-филологом, специализировался на южногерманских диалектах, знал английский, французский и был, так сказать, переводчиком на все случаи жизни.

Пока ожидали его, американцы молча курили. Два немца — те, которых они хотели повесить, — стояли возле дверей, испуганно поглядывая то на Сене, то на американского полковника. Один из немцев был очень высок, худ, в очках, в дождевике, перетянутом кожаным поясом, в коротких штанах и чулках, в тирольской шляпе с пером. Другой — хромой, тоже в дождевике, в синем тёплом картузе с наушниками. Обоим было далеко за сорок.

Едва Усков вошёл, как американский полковник немедленно возобновил свою речь, попрежнему спокойно и вежливо. Усков

Едва Усков вошёл, как американский полковник немедленно возобновил свою речь...

слушал, кивал головой и смотрел на Сеню круглыми сквозь очки глазами, как бы говоря: «Терпение! Я сначала всё выслушаю, а потом расскажу... Терпение!»

— Вкратце, суммарно, — сказал наконец Усков, начиная свой перевод. — Полковник свидетельствует вам, товарищ капитан, своё почтение и поздравляет вас с победой. Он надеется, что ваше здоровье и самочувствие не внушают никаких тревог, равно как здоровье и душевное самочувствие ваших родных и друзей. Он говорит, что они, четверо американских офицеров, взятые немцами в плен в Арденнах, были помещены в лагерь, где с ними обращались недопустимо. Так вот ещё в лагере они поклялись отомстить немцам. Теперь, после своего освобождения, они считают своевременным и полезным осуществить свою клятву. Они ходят по городу и вешают немцев... Вот и всё... Полковник весьма огорчён, что не смог разъяснить своих действий этой мисс с автоматом, так как (и этим он огорчён вдвойне) не знает русского языка. Он надеется, что получит возможность унести с собой живейшую радость по поводу состоявшегося знакомства с вами и вашими офицерами, а также искреннюю и весьма ободряющую признательность к вам.

Наступило молчание. Слышно было, как тикают каминные часы сбежавшего владельца наусников и кастетов: часы были сделаны в форме лёгкой, стрельчатой, устремлённой ввысь готической башни с двумя фигурками часовых-эсэсовцев у подножья.

Внезапно заговорил высокий немец. Он говорил быстро, сняв тирольскую шляпку с пером, перебирая пояс, указывая на свою шею и обращаясь то к Сене, то к американцам. А другой немец слушал, испуганно глядя на него, безмолвно повторяя губами его слова, маленький, горбатый, в дырявых ботинках, наполовину прикрытых длинным дождевиком. Высокий окончил, вытер ладонью пот со лба, протёр очки и надел тирольскую шляпку. А горбатый ещё шевелил губами, как бы не поспев безмолвно повторить всё за высоким.

Усков перевёл:

— Он говорит, что он приказчик мануфактурного магазина, а это его сосед, столяр. Когда русские подошли к Берлину, Геббельс забрал его в ландштurm. Он сидел с пулемётом на Копеникер-штрассе, на крыше, и должен был защищать подходы в центр города. Он говорит, что пробыл там четыре дня и три ночи, пока не начала бить тяжёлая русская артиллерия. Тогда он спустился с крыши и ушёл в Темпельгоф, к своему тестю, где прятались его дети и жена. Здесь он прожил неделю, питаясь картофельным супом и огурцами. Когда с Гитлером — да горит он в адском огне! — было покончено, он решил пробраться обратно в город, посмотреть, что с квартирой. На улице, недалеко от дворца, он встретил вот этого столяра, своего соседа, и они решили немного выпить. Спирт был у столяра, и с помощью воды из канала они сделали себе недурной шнапс. Они зашли в первую попавшуюся пустую квартиру. Едва они сели за стол и выпили кружку, как появились вот эти американцы и стали их вешать. Он говорит, что их бы повесили, но господь бог и святая Мария надоумили их громко кричать. На крик пришла эта Фрейлейн в шинели и освободила их. Они так и не поняли со столяром, за что их хотели повесить.

— Переведите американцам, — сказал Сеня Ускову.

Усков выполнил приказание.

— Простите, мой юный друг, — ответил Ускову полковник, — но я беру на себя смелость заметить (при всём моём чрезвычайном почтении к капитану и к вам), что вы не совсем уяснили

себе значение моих слов. Приказчик он или водовоз, столяр он или старьевщик, сидел он на крыше или не сидел, скрывалась его жена в Темпельгофе или в Нейкеальне, — нам всё равно. Мы будем ходить по городу и убивать немцев. Мы дали друг другу слово в несчастье, и мы его выполним, будь это не только приказчик, но даже сам хозяин мануфактурного магазина.

— Но как можно ни с того, ни с сего убивать людей? — возразил Усков.

Полковник учтиво ответил:

— Можно или нельзя, люди они или не люди, — мы будем их вешать, мой дорогой лейтенант, пока сочтём это нужным.

— Однако, если на то пошло, так война кончена! — Усков начинал горячиться. — Подписана капитуляция. Довольно пролито крови.

— Друг мой! — любезно сказал полковник. — Будучи старше вас опытом и годами, я душевно советую вам (видя ваши достоинства и понимая, что со временем они нескончаемо возрастут), я позволю себе советовать вам всегда следовать сдержанности, которой подчиняется джентльмен. Офицеру (простите, что я это говорю такому отличному офицеру, как вы) приличествует спокойствие... Кончена война или не кончена, подписана капитуляция или не подписана, много пролито крови или мало...

— О чём он? — спросил Сеня Ускова, перебив полковника.

Усков перевёл.

Автоматчик в дверях досадливо крикнул и отвернулся. Опять наступило молчание. Оба вторых лейтенанта курили, держа сигареты большим и указательным пальцами.

Сеня, раздумывая, как поступить при столь непредвиденных обстоятельствах, глядел в окно.

Перед ним в дыму, в пепле, со взорванными туннелями метро, разбитыми вывесками, закопчённым кирпичом, забаррикадованными улицами, рухнувшими домами, лежал город, породивший фашистскую смерть, вскормивший её кровью и горем и выпустивший на волю. Как долго шли сюда наши люди, чтобы убить эту смерть! Всё видели наши люди в пути, всё видели, всё испытывали, по-разному жили, надеялись, горевали, вспоминали о близких, писали письма. И прошли весь путь до конца, до Берлина.

«Вперёд, на Берлин!» Да, Сеня повидал эту надпись за четыре года войны! Он видел её на машинах среди украинских подсолнечников, томимых зноем, от которого чёрные трещины шли по полям и дым казался тяжёлым, проникающим в складки одежды, как пыль. Она была на стенах польских домов, на маленьких улицах, где в окнах лавчонок виднелись рекламы швейных машин, дамских шляп, игрушек, гвоздей и уксуса; на придорожных рыжих столбах среди Беловежской пуши; над развалинами Варшавы, где статуи рыцарей валялись на тротуарах и где людские подошвы проложили среди битого кирпича извилистые бурные тропы. И он помнил те же надписи, прошедшие тысячи километров, в ночь последнего штурма, когда вспышки артиллерийских залпов были такой частотой, что свет их озарял облака и, отражаясь, падал вниз, выдирая из темноты чёрно-зелёные контуры зданий того самого города, который и был наконец Берлином.

И вот перед ним Берлин. Этот дом и окно — Берлин. Это небо — Берлин. Это солнце и воздух — жизнь, мир.

— Да что разговаривать! — вдруг громко сказала Варя. — Мир, а они людей убивают. Война кончилась, а они...

— Товарищ сержант! — строго прервал её Сеня.

Но она продолжала, не слыша Сени, не очень связно, поблещив, указывая на немцев, которые испуганно глядели на неё:

— Что это-то ему сделали? Пусть скажет, что? Живёт себе человек и живёт, и радуется, что живёт. И воевали, чтобы человеку жить... А они...

— Товарищ сержант! Я не давал вам разрешения говорить!

— Есть не давали разрешения говорить! — Варя вытянулась и отдала Сене честь. — Звери они!.. Мир, а они... Эх!

Когда Варя начала говорить, американцы уставились на неё. Едва Варя умолкла, как полковник вежливо запросил перевода. Усков озадаченно разъяснил, что всё это не имеет существенного отношения к делу. Полковник учтиво настаивал. Тогда Усков передал общий смысл варинных слов, опустив характеристики и детали.

— Барышня чрезвычайно нервна, — сказал полковник, пожалуй, чуть-чуть сухо, — дайте ей каплю от нервов или конфету и отправьте в колледж «Танцы и Добродетель». Боюсь, что ей следует вырабатывать артишоки, а не воевать. «Мир, человек, рисовый пудинг, истерика», — корректно подтрунивал он, — если у вас все солдаты такие, как эта девица, с вами легко воевать, господин капитан.

— Однако конец, господа! — Сеня встал. — Я передам вас в штаб полка для дальнейшего препровождения. Прошу следовать за лейтенантом.

Полковник тоже поднялся и приложил ладонь к пилотке.

— В штаб или в монастырь, — сказал он, может быть, ещё чуть-чуть суше, — к коменданту или в воскресную школу, мы будем дрессировать эту страну, как сочтём нужным. Мы втолкуем ей, кто у неё хозяин. И мы в Штатах (да простится мне это написание) достаточно много вколотили в войну, чтобы самим решать, когда здесь пускать в ход смерть, а когда — катехизис. Это так же верно, господин капитан, как то, что я желаю вам доброго утра и всевозможных успехов.

Остальные американцы тоже приложили ладони к пилоткам и направились к выходу, сопровождаемые Усковым.

Через полчаса Сеня, окончив работу, вышел в город. Справа от Бранденбургских ворот ещё дымилась гостиница «Адон». Слева, сквозь рухнувшие стены, виднелись апартаменты французского посольства с изысканной мебелью, повиснувшей между этажами. По широкой тиргартеновской аллее шли наши танки и автомобили. Поблизе к роще двигалась наша пехота. Лошади с номерными бирками в хвостах тащили повозки, гружённые солдатскими сундуками и имуществом ротных канцелярий. В самой роще пришедшая только что в Берлин стрелковая рота расположилась на обед. Один из солдат, сидя возле походной кухни, молча читал дивизионную газету.

— Ну и как? — спросил его другой.

— Победа! — ответил стрелок и сложил газету.

Он встал, оглядывая площадь и улицы.

— Дымит! — сказал он про пожары. — И чего немцы смотрят? Воевать кончили, — значит, надо пожары тушить. Пора жить начинать. Людям жить надо.

И все сидевшие тут солдаты тоже огляделись вокруг. Огонь неровными пятнами играл на их шинелях и сапогах, покрытых комками засохшей дорожной грязи. И тот, кто знал фронт, увидел бы вдруг с поразительной ясностью весь зной, холод, окопы, землянки, оставшиеся у них позади, все раны, невзгоды, всю огненную тяжесть войны, которую они приняли на себя.

«Если у вас все такие, как эта девица», — подумал вдруг Сеня, вспомнив сегодняшний спор жизни со смертью. — Ну, что ж, — сказал он себе, — мы такие и есть. И эта девушка, и Усков, и мой автоматчик, и эти солдаты. А воевать с нами от этого труднее, а не легче.

3

И вот Сеня сидел теперь рядом с Варей во дворе полевого стана, среди розовой от юного солнца степи. Ночь ушла, стало видно, откуда светились её огни: там депо, здесь палатки дорожных рабочих, на речной излучине пристань, за ней МТС, впереди, ближе к стану, сарай, ток... Вон и тот огонёк, что казался ночью звездой, — пост техпомощи на шоссе, на самой вершине холма.

— Слесарь! — крикнул в окошко Вале Коля Ветухин. — Вызов! На участок Манюхиной, срочно!

Варя встала, протянула Жмелькову руку, повязала волосы пёстрым платочком, села на велосипед и уехала.

Через пять минут Сеня, записав последние данные о ходе уборки, отправился на попутном грузовике в правление, к телефону.

В правлении он встретил Игната Фролова, бригадира рабочих, приехавших из «Югостали». Фролов был ему хорошо знаком.

— Игнат, — спросил Сеня, — есть у вас здесь такой слесарь Варя, не знаю фамилии?

— Есть такой слесарь Варя. А что?

— Мы с ней знакомы. Она, оказывается, воевала.

— «Вое-ва-ла!» — передразнил бригадир Сеню. — Ишь ты! Да это Варя Кропниина!

— Какая Кропниина?

— Какая! Та самая. Партизанка. Которая взорвала гитлеровское офицерское кафе в Брянске. Помнишь?

— Варя Кропниина? — переспросил в изумлении Сеня. — Неужели это Варя Кропниина?

— А кто же? Она... Потом, от Днепра, армейским разведчиком. Одиннадцать переходов через линию фронта. Два ордена Красного Знамени. А ты — «вое-ва-ла»... Эх, ты!

Монумент «И. В. Сталин» в Ереване.
Авторы — лауреаты Сталинской премии
С. Д. Меркуров и Р. С. Израелян.

ОБРАЗ ВОЖДЯ

Ереван ныне узнаётся издали. Когда только ещё подъезжаешь к городу, уже видишь на самой высокой точке холма, поднявшегося над столицей Армении, строгий контур величественного сооружения.

Будто одна из гордых вершин кавказских гор, вознёсся ввысь могучий монумент. На огромном, высотой в двенадцатитрёхэтажный дом, постаменте из армянского туфа стоит отлитая из меди фигура вождя. Вождь в шинели полководца, в левой его руке военная фуражка, на плитах высечены орден «Победа» и эмблемы разных родов войск — монумент был задуман ещё в дни окончания Великой Отечественной войны в честь победы советского народа, одержанной благодаря сталинскому гению.

Прекрасно это сооружение. В торжественных его контурах, в строгих, сдержанных его линиях видны выражение сталинских черт советского народа — его мощи и спокойствия, его уверенности и непоколебимости. Всё в этом выдающемся произведении искусства исполнено точного чувства меры, полно гармонии. В нём величавость без тяжёловесности, строгость без суровости. Необычайной высоте монумента отвечает смелый размах крыльев его постамента.

Вдохновенные художники создали этот не имеющий себе равных архитектурно-скульптурный ансамбль. Его авторы — народный художник СССР скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров, давно уже работающий над скульптурным образом И. В. Сталина, и ереванский архитектор Рафаэл Сергеевич Израелян.

Осенью прошлого года, в день 30-летия Армянской республики, в присутствии десятков тысяч людей, собравшихся на торжественный митинг, состоялось открытие монумента. С тех пор эта площадка за парком Победы — площадка у монумента — стала излюбленным городским местом ереванцев. Сюда приезжают и приходят, чтобы поближе познакомиться с великим образом монумента. Отсюда виден весь Ереван, видна цветущая Арабатская долина.

В воскресный день у монумента собралась группа молодёжи. Об-

яснения даёт один из авторов монумента — Р. С. Израелян.

Архитектор рассказывает, как рождалось художественное решение задуманного монумента, как за короткие сроки — за месяцы — было выстроено это большое и сложное сооружение, с каким энтузиазмом работали здесь строители. Рассказ архитектора и о комсомольско-колхознике из селения Чохт Левоне Мелконяне, который специально пришёл в Ереван, чтобы принять участие в строительстве монумента; о старом мастере Граче Степаняне, резчике по серебру. Руками Мелконяна и Степаняна высечены изумительные по красоте народные орнаменты. С интересом слушают молодые ереванцы рассказ о музее, который сооружается сейчас внутри постамента. Постамент этот полый. В нём будут размещены в три яруса залы музея, тысячи экспонатов которого поведают о деятельности величайшего человека всех времён и народов — товарища Сталина.

Молодёжь долго не отпускает архитектора. Спрашивают о том, как преобразится район Еревана, соседствующий с монументом, как будет архитектурно увязываться он с этим ансамблем. Студент-строитель Мартун Таммирглян рассказывает о технических новшествах, применённых при возведении монумента, комсомолка Лаура Мелкумян — о творческой дружбе архитектора с выдающимся скульптором С. Д. Меркуровым, которого ереванцы знают ещё и по его замечательному памятнику В. И. Ленину, установленному на центральной площади столицы Армении.

...Архитектор ушёл, а молодёжь всё любуется прекрасным сооружением, возведённым армянским народом в знак благодарности к своему лучшему другу и учителю.

Монументальное произведение советского искусства создано в Ереване. Им гордится вся Армения, с радостью встретившая весть о присуждении его авторам С. Д. Меркурову и Р. С. Израеляну Сталинской премии первой степени.

И. АГРАНОВСКИЙ

СТИХИ ПОЭТОВ УКРАИНЫ

Иван НЕХОДА

Песня про Украину

Могучей и славной, меж равными равной
Над гордым раздольем Днепра и Днестра
Растёт Украина, цветёт Украина —
Советских республик сестра!

Живи, Украина, цветы, Украина,
Союз наш Советский — твой верный оплот!

Нас Ленин великий сплотил воедино
И Сталин великий к победам ведёт.

Врагу не корились ни Днепр,
ни Карпаты,
Веками боролись за волю свою.
Навеки ты с русским сдружилася братом
И счастье добыла в бою.

Советских народов могущество, славу
В труде умножают Отчизны сыны.
В боях отстояли мы нашу Державу,
Идём против новой войны!

Живи, Украина, цветы, Украина,
Союз наш Советский — твой верный оплот!
Нас Ленин великий сплотил воедино
И Сталин великий к победам ведёт.

Перевёл с украинского
Григ. ЛИТВАК

Платон ВОРОНЬКО

Мои друзья

У меня есть друзья,
Хорошие друзья.
В парижской округе
Живут мои друзья,
В Лондоне туманном
И за океаном
В дымном Детройте.
Вместе сражались на фронте
В огне.

Они говорили мне:
— Счастливы ты, друже,
Счастливы даже:
Война прекратится —
Поедешь домой
Работать, учиться.
А наш путь другой,
А мы...

Светились их очи из тьмы,
Их юные очи...
Их юные очи
Мне светят из ночи.
Их рукопожатья
Горят на руке.
Живут мои братья
Вдалеке,
За морем.

Сердца их наполнены горем.
Живут мои друзья,

Хорошие друзья
В нужде и в недуге...
В трущобах Парижа,
В трущобах Детройта
Ищут жилища,
Ищут работы.

Шинели им шьют,
Автоматы куют,
Но друзья мои не хотят воевать,
Но друзья мои не хотят
Умирать.
Их очи горят,
Их слово искрится:
— Хотим мы работать,
Хотим мы учиться.
Нам не надо войны,
Жить хотим, как в России.
Мы надеждой полны,
Растут наши силы!

Идут мои друзья
В парижской округе,
В Лондоне туманном
И за океаном
В дымном Детройте
В первом ряду на мирном
Фронте.
На мирном фронте
Первые горнисты.
Они — комсомольцы,
Они — коммунисты.

Перевёл Н. ГЛАЗКОВ

Мих. ВЛАДИМОВ

Здесь была
граница...

Молдавский тракт навстречу мчит нам.
Рубеж страны здесь раньше был.
Теперь здесь вместо пограничных
Высоковольтные столбы.

— Вот здесь когда-то шла граница...
— Где? Ты точнее покажи!
Быть может, по морю пшеницы,
Что зеленеет без межи?

— Нет!
— Может быть, она лежала
По этой лесополосе?
— Нет! Прежде даже не бывало
Посадов по округе всей.

— Тогда, наверно, по каналу?
— Нет! Год назад канал прорыт,
А раньше жадной степь страдала,
Мне мой попутчик говорит.

А грузовик всё дальше мчится.
— Так что ж ты, милый старожил,
Не помнишь, где была граница?
А он смеётся:
— Да. Забыл..
«Забыл» — и в этом слове гордость:
Не только посреди степей
Граница вековая стёрта,
Но даже в памяти людей!

Николай ШАПОВАЛ

Легенда о «Правде»

За год семнадцатый, грозный год,
Газету «Правда» я нашёл в музее.
Мукачевцы её хранили; с нею
Дышалось легче в годы злых невзгод.
О ней легенда сложена:

впервые
Её принёс за пазухой сюда
Простой солдат из блиндажей России.
Через долины, сёла, города
Пришла она в края Карпат лесные.
Она здесь заходила в каждый двор,
Селенья посетила все и нивы,
Внимала невесёлой песне гор
И в сердце берегла её мотивы.
Она пути-дороги обошла,
В колыбах¹ у гуцулов побывала;
Где падала далёких гроз стрела,
— Детей пугал неясный гул обвала.
...Токуют люди: где она прошла,
— Великой правды зёрна прорастали,
Рожь поднялась, исполнена тепла,
В садах плоды сочной и слаще стали;
И клинья окровавленных полей
Слились в необозримые просторы,
Топор запел в дубравах веселей,
О счастье песню затянули горы.
Шумит молва: хозяином здесь стал
Солдат, вчера батрачивший, который
Родную «Правду» зорко охранял.
В семнадцатом её принёс он в горы.

Авторизованный перевод с украинского
Марка ШЕХТЕРА

¹ Шалаши.

Острое и сильное волнение охватит вас значительно раньше, чем вы попадете в этот весёлый степной городок, приютившийся на днепровском берегу. И в памяти вашей неизбежно всплывут знакомые страницы прошлого, смысл которого точно и верно выражен в словах песни, посвящённой Каховке: «Этапы большого пути...»

Город-памятник. Город-песня. Но о минувшем вам долго не придётся размышлять. Подступы к Каховке сейчас напоминают фронтовые дороги перед крупным наступлением. День и ночь напролёт царит необычное оживление на дорогах, ведущих, как здесь принято говорить, «на стройку». Спешат крытые брезентом грузовики со станками, ценным оборудованием, инструментами, идут неуклюжие самосвалы, гружённые кирпичом, щебёнкой, известью. С лязгом и грохотом, точно тяжёлые танки, движутся тракторы с длинными прицепами, а на них — горы леса или пирамиды, составленные из частей стандартных разборных домиков.

— Эту ложбину видите? — спрашивает нас шофёр массивной «пятитонки», парень в меховой шапке, надетой на затылок, комсомолец Сергей Коваленко. — Сейчас мы через неё смело путь держим, а дней пятнадцать назад неприятность у меня тут вышла: завязла машина. Поверите, всю войну снаряды и мины на передовую возил и не попадал в такой просак. Вокруг ни души, степь, а груз, сами понимаете, государственной важности: лебёдки для буровых вышек. Я от злости чуть не плачу: на всю жизнь пятно ляжет на мою биографию, если груз в Каховку к сроку не доставлю. Вдруг слышу голоса, оглянувшись. Люди. Обрадовался, бегу им навстречу: «Выручайте, голубчики, подсобите машину вытолкнуть, подвезу вас в любом направлении...» А мне в ответ: «А нас подвозить, мил человек, и не надобно. Мы тут рядышком живём, из колхоза имени Ворошилова, небось, слышал? Укрупнённые». Я спросил у них: «А зачем же вы сюда попали?» Вышел вперёд пожилой усатый колхозник с лопатой, посмотрел на меня, покачал головой и говорит: «Ишь ты, орёл нашёлся! Думаешь, что только ты один душой болеешь за каховские грузы? Мы, мил человек, дежурство в колхозе установили, бригады на дорогу каждый день выделяем. Через пару лет тут шоссе, асфальт будет, а пока дороги ремонтировать надо, кровно мы заинтересованы в этом, для нас же плотину делают. Земля-то в нашем колхозе не орошается, да и то мы по двенадцать центнеров хлопка с гектара снимаем. Можно сказать, без воды миллионерами стали. А когда вода днепровская к нам придёт, представляешь, что за жизнь у нас будет?!»

Прощаясь с нами, водитель не без гордости сказал:

— Как видите, мы, шофёры, не последнюю роль на стройке играем!.

И это верно. Перенеситесь, читатель, мысленно на днепровские берега, где раскинулась Каховка. Железнодорожную ветку сюда подведут только через год, Днепр с декабря скован льдом. Вот и представьте, что падает на плечи каховских шофёров. Сколько сотен тысяч рейсов должны будут они сделать за эти годы, пока будет построен городок с жилыми домами, школами, клубами, детскими яслями, больницами, столовыми! Объём всех этих зданий составит 1 200 тысяч кубометров. Кроме того тут будут построены десятки вспомогательных предприятий: огромный бетонный завод, ремонтно-механический, авторемонтный, кирпичный и черепичный заводы, лесокombинат...

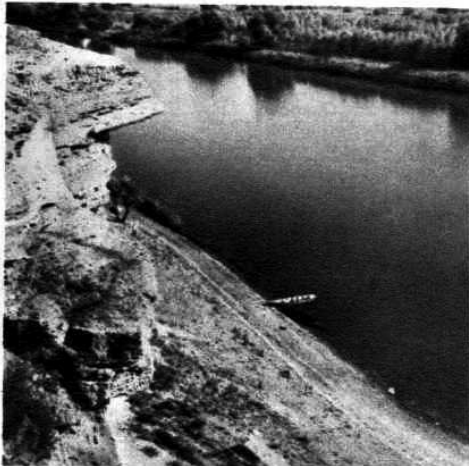
Недаром Василий Игнатьевич Дудник, парторг Каховской школы шофёров,

Владимир ЛЯСКОВСКИЙ

КАХОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

Здесь, на правом берегу Днепра, будет сооружена мощная гидроэлектростанция.

любят напоминать своим слушателям:

— Все эти подсобные предприятия войдут в строй к середине 1952 года. А к тому времени на строительную площадку гидроузла мы с вами должны будем доставить свыше 20 тысяч тонн металлохического шпунта, который защитит котлованы плотины от притока поверхностных и подземных вод...

В этой школе учатся столяр Пётр Елисеев и плотник Пётр Сычев, кузнец каховской пристани Фёдор Николайченко и воспитательница детских яслей Евдокия Малышенко, башкирский комсомолец Ахат Дадартинов и многие, многие другие.

Ахат Дадартинов коренаст, плечист, лицо у него смуглое, задумчивое. Ахату мало того, что он изучает в школе. Он ещё идёт на стройку и там присматривается к работе лучшего водителя Каховки Власова.

Власов подбадривает новичка: — Кончай скорее школу, Ахат, и приходи к нам. Дела у нас, дружище, разворачиваются грандиозные...

Этот мощный размах, этот напряжённый, полный творческой силы и искреннего энтузиазма пульс великой народной стройки коммунизма вы чувствуете в Каховке буквально на каждом шагу.

Поговорите с любым рабочим, мастером, инженером. У всех одна жалоба:

— Не хватает времени. Слишком коротки сутки.

Осенью прошлого года из Алтайского края прибыл сюда Николай Кубышкин. В отделе кадров он заявил:

— Посылайте на любой участок. Из Каховки никуда не поеду!

— Рабочим на буровую вышку пойдёшь? — спросили его.

— Согласен, — последовал ответ. — Куда угодно пойду. Всякий труд здесь почтён.

Вначале парнишка смутно представлял себе новую работу. Старший буровой мастер Михаил Васильевич Карабаев пояснил ему все премудрости нелёгкого ремесла. Бурить приходилось в любую погоду.

— А иначе нельзя, Николай, — говорил мастер. — Мы с тобой, брат, разведчики недр. А без разведки сражение никогда не начинается. Очень многое от нас с тобой, Кубышкин, зависит...

И юноша забывал про усталость, не замечал холодного, порывистого ветра. Где только не появлялись их вышки! «Щупаем грунт», — часто повторял мастер. Бежали дни, недели, месяцы. Когда замёрз Днепр, каховчане увидели необычное зрелище: вышки на льду. Бурили грунт прямо через ледяной покров. А недавно Михаил Игнатьевич поздравил своего подручного:

— Бурением ты, Николай, овладел неплохо. Решили мы тебя назначить сменным мастером...

Великолепно работают и буровые бригады Потапова, Невиданого, Киреева, Солощенко.

У строителей Каховского гидроузла большое событие: пришло важное письмо из Куйбышева. Волжане вызвали на социалистическое соревнование. Вызов обсуждался на общем собрании рабочих.

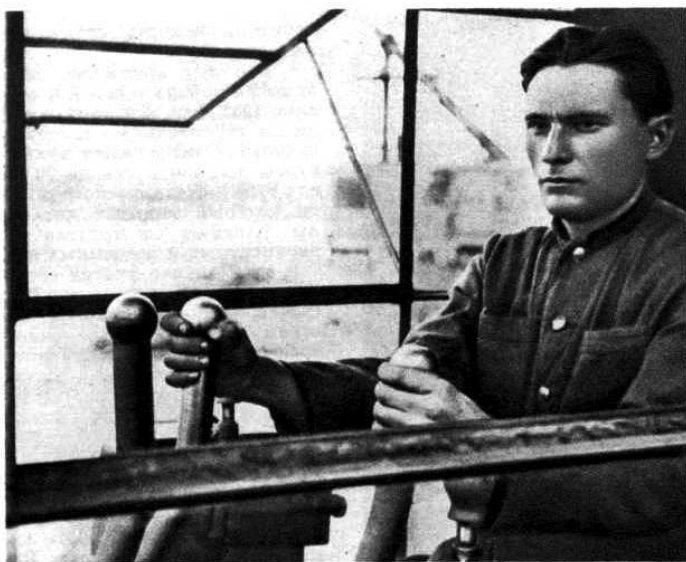
— Что ответим?

— Вызов принимаем! — раздался голоса.

Каховка — Куйбышев. Две великие стройки коммунизма. Два плацдарма для борьбы с засухой, с чёрными бурями.

— Не отстанем от куйбышевцев! — задорно говорит штукатур Мария Пархоменко.

К её голосу в Каховке прислушиваются. Ещё бы! Эта русоволосая девушка прошла авторитетную школу: она приехала сюда с Днепрогострой. И если она говорит своим подругам: «А на Днепрострое мы поступали вот так», — девушки воспринимают это как пароль: делать быстро, красиво, прочно, доброту.

Со всех концов Советского Союза идут в Каховку строительные материалы и механизмы. На снимке: один из лучших крановщиков Херсонского порта, И. Кучеренко, за погрузкой материалов для Каховской стройки.

Одесский художник Алексей Попов, посетивший Каховку, написал портрет боевой комсомолки. Он запечатлел её порывистой, устремлённой вперёд, с открытым, волевым лицом, с ясным и решительным взглядом. Правдивый портрет. Именно такой её знают подруги Гуминова, Рыкова, Сергеева, такой она предстанет и перед вами. Вы её всегда сможете застать на одном из строящихся домов Каховки. О её безупречном мастерстве знают не только здесь. Недавно она получила письмо от знатного штукатура «Куйбышевгидростроя» Клавдии Емельяновой. Мария ответила ей: «Чести не уроним. Марки Днепростроя не опозорим. Постараемся сделать так, чтобы страна гордилась Каховской ГЭС так же, как и Днепростроем».

Этим высоким чувством гордости за свою стройку живут и члены бригады плотников, которую возглавляет коммунист Никита Рузенко. Интересен состав бригады: Виктор Петрашкевич — из Запорожья, Георгий Бабушкин — из Подмосковья, Николай Лагунов — из Белоруссии, Павел Жигаловский — из Львова. Живут они дружно, спаянно, работают споро, с тем хорошим азартом, какой бывает у людей, охваченных стремлением каждый день радовать родное производство высокой выработкой, отличным качеством.

— А как у вас с планом?

Бригадир плотников на секунду задумывается, а потом, чуть улыбнувшись, замечает:

— У наших хлопцев своё понятие о плане.

— Какое?

— План для того и даётся, чтоб его перевыполнять. Верно я говорю?

— Правильно! — поддерживают бригадира товарищи. — С любым планом справимся.

— А качество?

Молчание. Взгляд бригадира словно говорит: «Спросите об этом лучше у народа. Работаем на виду. Десятки домов сдали, и никаких претензий не было...»

Приехавшего в Каховку больше всего поражают темпы. Вчера ещё там, за холмом, простирался пустырь, а сегодня — оживление, снуют машины, и буквально, как в сказке, вырастают дома — один, второй, пятый...

Характерная деталь: вы не найдёте стройки, где бы не было подъёмного крана, транспортера. Стройматериалы подвозятся грузовиками-самосвалами.

Здесь царство механизмов. Вчитайтесь в скупые строки диспетчерского журнала, и вы без труда нарисуете себе завтрашний день великой стройки:

«Из Днепропетровска и Горького прибыло 50 автомашин-самосвалов. Доставлен лесоматериал — тысяча кубометров. Из Одессы поступило две тысячи рулонов рубероида. Двадцать автокранов получены из Запорожья, тридцать разборных домиков из Белоруссии...»

Ещё записи:

«Из Николая — баржа с кирпичом и автокранами. Из Одессы — ленточные транспортеры, пять экскаваторов. Из западных областей Украины — тысяча кубометров леса. Из Брянска — разборные домики... Доставлены экскаваторы и землесосы... Грузовики-самосвалы, транспортеры, подъёмные краны, моторы, станки токарные, растворонасосы, краскопульты, грейдер-элеваторы...»

Нескончаемым потоком идут на берег Днепра драгоценные грузы. Родина богато оснащает строительство Каховской ГЭС перво-классной отечественной техникой.

Нам запомнилась фраза экскаваторщика Николая Копачука: — Это — только начало. Вроде как увертюра. А главная симфония ещё впереди!..

Не за горами день, когда над седым Днепром зазвучит могучая симфония механизмов, с помощью которых здесь будет вынута

свыше пяти миллионов кубометров грунта, насыпана земляная плотина в 4600 тысяч кубометров, а объём железобетонных и бетонных работ составит без малого два миллиона кубометров.

Знают колхозники Херсонщины и другие цифры: гидроузел даст 1200 миллионов киловатт-часов энергии, оросит 1500 тысяч гектаров степей, обводнит 1700 тысяч гектаров земли.

Секретарь Каховского райкома партии тов. Котляров сообщил нам любопытные данные:

— На юге Украины за последние пятьдесят лет двадцать три года были засушливыми. Гидроузел кладёт конец этому бедствию. Мы будем снимать хлопок в пять — шесть раз больше, чем теперь.

Новые захватывающие планы строят сейчас виноградары, огородники, садоводы, животноводы засушливой херсонской степи. В каждом селе, куда вы ни заглянете, толкуют о светлых перспективах, поют песни о завтрашнем дне. В колхозе имени Сталина, что под Каховкой, на вечере художественной самодеятельности нам довелось услышать песню, исполненную молодой хлопкоробкой, звеньевой артели Зиной Дементьевой:

Строим крепкие плотины.
Ой, Каховка! Ой, Днепр!
Пустим мощные турбины.
Чтоб кругом стало светло.

Где гуляли сухован,
Не было воды.
Там поля зазеленеют.
Зацветут сады!..

Всё это придёт по воле миролюбивых советских людей, занятых творческим трудом, созиданием. Надо видеть, каким гневом вспыхивают глаза плотника-комсомольца Виктора Чувпила, когда он читает о новых происках англо-американских агрессоров.

— Не для бомб Трумэна строим мы дома, — говорит он. — Не для разбойников сооружаем мы плотину и гидростанцию. Пусть это зарубят у себя на носу поджигатели войны!..

Вахту мира здесь самоотверженно несут бригады плотников комсомольца Ивана Потапова, Василия Подпалова, бригады каменщиков Никифора Шульженко, маляров Макара Шарапова, слесарей Александра Слуцкого и многие другие.

А сколько ещё охотников до трудовых подвигов в Каховке! Да только ли в Каховке? Со всех концов страны приходят сюда письма, тёплые, сердечные строки, читая которые живо представляешь себе образы их авторов.

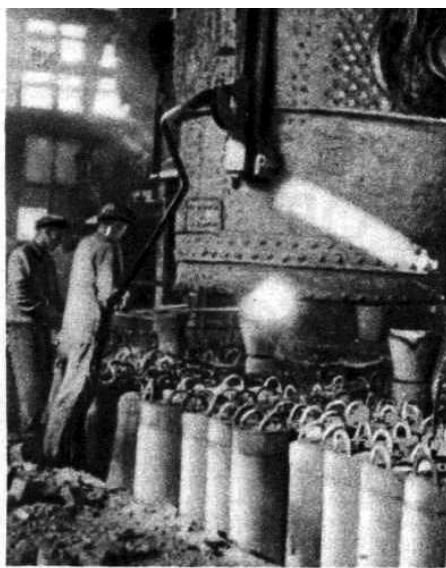
«Борясь за мир, хочу укрепить могущество нашей Родины. Моя мечта — быть участником великой стройки. Имею опыт на разных строительных в Ленинграде», — пишет Н. Новиков из г. Трубчевска, Брянской области. «Я дрался на Днепре в годы Великой Отечественной войны. Моё место сейчас снова на Днепре, на великой стройке», — заявляет студент Харьковского педагогического института В. Тимченко. «Прошу считать меня добровольцем трудового фронта. Я был добровольцем на войне», — пишет С. Марченко, учитель из Полтавы. «В прошлом году я работал прицепщиком в комсомольско-молодёжной тракторной бригаде и имею 500 трудодней. В Каховке оправдаю звание комсомольца», — клянется Н. Лукьяненко из колхоза имени Будённого, Большеалександровского района, Херсонской области...

За всю свою историю Каховка не имела такой обильной почты, как теперь. Десятки тысяч писем. Это голос советских патриотов, рвущихся на стройку. Благородны их мечты, радостны порывы. Как в зеркале, видишь в этих письмах прекрасный лик нашего народа — народа-победителя, народа-творца, народа-миролюбца.

Каховка.

Сотни гидрогеологов ведут в районе строительства всесторонние геологические изыскания. На снимке: старший топограф В. Сизанчук и вычислитель комсомолка Л. Кравцова проводят топографическую съёмку.

Замечательную сталь даёт бригада молодого сталевара Ивана Кабетова! Плавка проведена за 6 часов 20 минут, качество металла отличное.

Яков Герасимов первым на заводе стал варить скоростные плавки.
Фото А. Кривцова

Сталевары-скоростники (слева направо): С. Можуга, Я. Жарних, Я. Герасимов, Ф. Антипов и П. Филиппов пишут письмо металлургам-москвичам.

Хорошо работают молодые сталевары Забайкалья, хорошо и отдыхают они. На снимке: в тёплый весенний день отправились молодые металлурги на загородную прогулку. Слева направо: Владимир Кузнецов, Даниил Михайлов и жена Владимира — Татьяна.

МОЛОДЫЕ СТАЛЕВАРЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Среди невысоких сопок, в долине горной речки Баляги, лежит городок Петровск-Забайкальский. Городок этот знаменит старинным металлургическим заводом, основанным ещё в 1789 году.

В тридцатые годы прошлого столетия сюда на каторжные работы были сосланы декабристы. Ссыльные работали на железнотопливном заводе.

От старого завода, как музейная древность, сохранился кирпичный остов домны с открытым колошником да чугунолитейный цех, впоследствии коренным образом реконструированный.

За годы советской власти на этом месте вырос новый металлургический завод. На южном склоне холма построен социалистический город металлургов.

С каждым годом растёт город. Растёт и слава о забайкальских сталеварах, об их героическом труде.

В прошлом году мартеновский цех Петровско-забайкальского завода завоевал звание лучшего в стране. Это была замечательная победа молодых сталеплавильщиков, отобравших переходящее Красное знамя у сталеваров московского завода «Серп и молот».

Для передачи знамени из Москвы прибыл старый, почётный сталевар. И вот, когда на сцене клуба металлургов он развернул тяжёлое бархатное знамя, чтобы передать его победителю, к нему направилась делегация петровцев. Это всё были крепкие, как на подбор, юноши. Гость смутился и тихо спросил начальника мартеновского цеха:

— Я кадровиков ваших не вижу. Где же ваши прославленные сталевары? Не передавать же знамя подручным?!

— Да это сталевары и есть!.. Они-то и победили вас!..

Гость с нескрываемым восхищением рассматривал победителей.

Да, это была победа молодых. Но победа досталась нелегко — она была результатом упорного труда и смелых дерзаний.

В военные годы в цехи завода пришли сталевары, эвакуированные сюда с Украины. Это были прекрасные мастера, но руководители завода знали, что недалёк тот день, когда сталевары вернутся в родные места, к своим печам, и поэтому надо готовить им замену. В ремесленном училище из наиболее способных ребят была создана специальная группа сталеваров. Их учителем стал начальник мартеновского цеха Николай Степанович Тарасов.

Когда началось восстановление металлургических заводов Донбасса и Приднепровья, опытные сталевары уехали. К мартеновским печам на их место поставили юношей, только что окончивших ремесленное училище.

Это был крайне смелый и рискованный шаг. Мартеновская печь — сложный агрегат. Обычно выпускники ремесленных училищ становятся к печи третьими подручными, затем переходят во вторые, в первые и только через несколько лет получают печь в самостоятельное управление. А тут каждый из молодых ребят сразу стал сталеваром, командиром бригады.

РАЗГОВОР О ТВОРЧЕСТВЕ

Неуверенны были первые самостоятельные шаги молодых металлургов. Порой терялись они в трудные минуты. Но на помощь им приходила коллектив. Большую заботу о них проявила цеховая парторганизация.

В первую смену Владимир Лоскутников не мог совладать с мощным пламенем. Вместо того чтобы стелиться у шихты, пламя начало лизать своды печи, с которых, как весной с крыш, потекли сосульки. Могла случиться серьёзная авария, но во-время подоспел Николай Степанович.

Этот случай стал уроком для остальных. Начальник цеха провёл с молодёжью прямо у печи разбор ошибок Лоскутникова, сам показал, как надо регулировать факел пламени, чтобы и плавку ускорить и своды сберечь. На открытом партийном собрании технолог сделал специальный доклад об уходе за печами, о скоростных плавках.

Был и другой случай. Молодой сталевар Иван Кабетов, встав у печи, растерялся. Подручные, почувствовав неуверенность в своём бригадире, стали работать хуже, вразлад, а сталевар не решался сделать им замечание. Это не прошло мимо обер-мастера. Он начал уделять молодому сталевару особое внимание, учил его, как должен вести себя командир производства. Теперь Иван Кабетов — один из самых требовательных и авторитетных руководителей бригады.

С первых дней работы твёрдо стал на ноги Яков Герасимов. Ещё в бытность учеником он уже работал у печи в качестве подручного. Он внимательно присматривался к приёмам опытных сталеваров, изучал тонкости мастерства. Приняв бригаду, Яков сумел сплотить людей в дружный коллектив. Сам он человек большой энергии, да и подручные подобрались под стать бригадире. Заправка ли подины, завалка ли шихты — всё это они делают в таком темпе, что в цехе никто за ними не угонится.

Яков Герасимов перечитал много книг об опыте новаторов сталеварения, познакомился с трудами учёных. Герасимов первым на заводе стал варить скоростные плавки. Стиль его работы — чёткая организация всех процессов плавки.

Но умение одного сталевара ещё не решало успеха. Большая часть плавков производится не одной бригадой, так как переходит из смены в смену. Поэтому важно, чтобы в таком же темпе работали и сменщики. Между молодыми сталеварами, сменщиками Якова, Иваном Кабетовым и Филиппом Антиповым началось соревнование. Так зародилась комплексная стахановская работа, в которую включились и канавщики.

Опыт новаторов переняли молодые сталевары-коммунисты Виктор Сафронов и Михаил Эрро. Они также организовали коллективную стахановскую работу. Парторганизация поддержала эту ценную инициативу.

В литейном пролёте бригадир Гавриил Барышев, мастер на все руки, человек исключительно находчивый и энергичный, организовал работу так, что канавы у него готова к любой скоростной плавке. Были созданы стахановские школы. Скоростным методом плавки обучал сталеваров Яков Герасимов. В трудовое состязание включились и Семён Можуга и Даниил Михайлов.

Забайкальские сталевары вступили во всесоюзное соревнование металлургов. Они были молоды, но обладали основательной технической подготовкой.

Пытливая, жадная ко всему новому, молодёжь продолжала стремиться к знаниям, к совершенствованию.

Техническая учёба стала подлинной школой мастерства и коллективного творчества. Освоение опыта известных новаторов Мазая, Чайковского, Амосова, Болотова, Кучерина дополнялось изучением новейших достижений учёных и научно-исследовательских учреждений. Николай Степанович Тарасов связался с кафедрой чёрной металлургии Свердловского политехнического института, с инженерами-друзьями из Донбасса, следил за всеми новинками сталеплавления и передавал свои знания ученикам.

Коллективно решались большие и малые технические задачи. Обобщив опыт других заводов, сталевары значительно улучшили технологический процесс, лучше стали обслуживать механизмы, добились серьёзной экономии материалов. Примером подлинно хозяйского отношения к производству может служить инициатива молодых сталеваров в использовании отходов. В газогенераторном цехе скапливалось много смолы, которую некуда было девать. Мартеновцы нашли ей применение: они стали употреблять смолу как топливо для своих печей. Опыт оказался удачным. Одна мартеновская печь уже целиком переведена на этот вид топлива.

Молодые сталевары, совершенствуя технологию, глубже стали выникать в экономику производства. Интересно послушать их, когда они ведут бесконечные и страстные споры о том, как удешевить сталь, как рационализировать топливный режим, сократить время плавки, как, сберегая килограммы материалов, получить экономии в сотни и тысячи рублей.

Юноши выросли, возмужали. Ещё не так давно впереди всех неизменно шёл Виктор Сафронов. Но его вскоре обогнал Яков Герасимов, затем вырвался вперёд Михаил Эрро, потом первенство переходило в руки Семёна Можуги, Ивана Кабетова. Производственные и экономические показатели каждой бригады ежемесячно анализируются всем коллективом.

Сейчас зная снова присуждено москвичам. Но это не обескуражило забайкальцев. Нет, они не собираются складывать оружие! С ещё большим рвением работают они теперь. Они верят: первенство ещё будет за ними, почётное Красное знамя ещё вернётся на Петровско-забайкальский завод!

Раздумывая о нашей литературе, я легко насчитал первых пятьдесят писателей, чьи произведения, опубликованные за последние четыре года, приобрели широчайшую популярность и были приняты нашим народом на идеологическое вооружение в битвах за коммунизм. Перечислять их нет нужды: они хорошо известны всем. Среди них есть и участники первого совещания молодых и те, кто не был ими по разным причинам. И к этим пятидесяти примыкают новые и новые десятки молодых талантливых писателей, в числе которых находятся наиболее зрелые из участников нашего совещания.

Разумеется, они разные, эти новые писатели и новые книги. И хорошо, что они разные. Хочется подметить, что в них общего. Хочется сказать о тех общих чертах и особенностях нового, что с большой силой уже утвердилось в нашей богатой именами отечественной литературе. Думается, нельзя говорить о мастерстве, о повышении качества нашей работы, не определив черты этого нового.

Говоря о творчестве новых писателей, нельзя прежде всего не заметить главного — того, что творчество этих людей, воспитанных уже советской властью, выражает целостное коммунистическое мировоззрение, что успех лучших произведений — это, в конечном счёте, победа большевизма, ленинско-сталинской идейности, как бы впитанной новыми поколениями советских людей с молоком матери. Молодых писателей отличает безграничная преданность делу партии Ленина — Сталина, делу коммунизма.

Писатели, пришедшие в литературу за последние годы, принесли с собой глубокое и достоверное знание жизни. Непосредственные участники строительства коммунизма на разных участках, они, став писателями, продолжали быть строителями коммунизма в литературе. Для них характерно активное вторжение в жизнь, страстное желание помочь партии в выполнении её великих исторических задач. В лучших книгах новых писателей наша действительность отображается в перспективе, в её революционном развитии; читатель находит в этих книгах философски осмысленное и поэтически красочное отражение типичных черт современного исторического периода перехода от социализма к коммунизму, таких черт, как стирание граней между интеллектуальным и физическим трудом, уничтожение противоположности между городом и деревней, рост коммунистического сознания людей.

Исходя из черт живого современника как из черт прообраза, новые советские писатели пришли к всестороннему и художественно убедительному утверждению положительного героя в литературе. В лучших книгах положительные образы достигли такой силы обобщения, яркости и полноты изображения характеров, что стали нарицанием типичных черт, отличающих человека сталинской эпохи. Вспомним героев из произведений Бабаевского, Рыбакова, Полова, Мальцева и других.

Нетрудно, далее, заметить, что писатели новых поколений избрали главным героем своих книг «труд, т. е. человека, организуемого процессами труда... человека, в свою очередь, организующего труд более лёгким, продуктивным, возводя его на степень искусства». Эта тема провозглашена А. М. Горьким полтора десятка лет назад, и за это время советские писатели посвятили ей немало хороших книг. Но, пожалуй, никогда раньше не удавалось писателям показать человека труда с такой глубиной проникновения в его психологию. Наилучшим образом это удалось сделать тем литераторам, которые сами немало потрудились на производстве, прошли многолетнюю школу жизни в сложившемся крепком советском трудовом коллективе, будь то завод, стройка или колхоз, — безразлично.

Говоря о новаторстве содержания лучших книг прозы последних лет, критики подчас не говорят о том, что в этих же книгах произошло и неизбежное новаторское изменение форм художественного изображения жизни и людей. Очень важно для нашей литературы глубоко проанализировать и понять складывающийся на глазах метод изображения людей в труде, в отношении к делу, а через это — в отношении к Родине, к строительству коммунизма — метод, дающий, по моему убеждению, новые и неслыханно богатые, не использованные ещё по-настоящему возможности для всестороннего раскрытия внутреннего мира человека.

До сих пор ещё в литературной среде книги о людях труда называют «производственными», и подчас высказываются не очень аргументированные опасения в том смысле, что-де происходит обеднение духовного мира человека, если его показывать на производстве. Но разве полюбопытнее читателю лучшие книги о людях труда — «Водители», «Кавалер Золотой Звезды», «Жатва», «Сталь и шлак» — где изображена жизнь в её сложности и полноте, с достоверно переданной атмосферой значительных мыслей, высоких чувств, больших и важных нравственных вопросов? Разве такие образы, как Поляков или Тутаринов, показаны духовно обеднёнными? Никак нет!

Сокращённая стенограмма выступления на Всесоюзном совещании молодых писателей.

В. КУПРИН

Это живые и полнокровные герои, ставшие для многих наших молодых людей образцом для подражания.

Конечно, раскрывать духовный мир человека в трудовых отношениях, в деле, в труде нелегко — тут не накоплено традиций даже нашей велико-лепной литературой. Думается, что это намного труднее, чем показывать, скажем, людей в привычных камерных любовных коллизиях. И очень важно отметить, что лишь те писатели добиваются творческих удач, которые верят до конца в метод изображения человека в труде, как плодотворный и дающий богатые возможности, и разрабатывают этот метод, не сбиваясь с трудного пути. Характернейший пример сказанному — одна из лучших книг на тему о труде — роман «Водители».

Когда писатель не до конца верит в это или просто не осмысливает, что задача показа типичных черт человека труда требует нового метода в его изображении, тогда его постигает либо неудача либо неполная удача. Немолодой и опытный литератор Н. Стрковский написал роман «Тайгастрой» о людях большого строительства. Роман этот неудачен, хотя писатель работал над ним несколько лет и достаточно изучил материал.

Почему Стрковского постигла неудача? Это становится ясным, когда прочтёшь книгу. Стрковский не поверил до конца, что можно глубоко и интересно показать людей в труде, в деле, и прибегнул к позаимствованным из неудачных образцов литературы приёмам искусственного оживления повествования. У него есть в книге и злобедная авантюриная линия, и любовные истории, и завлекательные женские образы, вроде правнучки декабриста(!), пытающейся поухаживать в тёмном зале кино за руководителем стройки. И во всём этом растворился хороший замысел, интересный материал и затраченный писателем большой труд.

Другой пример — общеизвестный. Опытный и талантливый писатель В. Панова нанесла, на мой взгляд, большой вред роману «Кружилы», когда, побоявшись, что книга станет скучной, если показать героев в их деле, она не ввела читателей за ограду завода, в большой и сложный духовный мир заводского коллектива.

Третий пример — повесть участника совещания Н. Евдокимова «Высокая должность», обсуждавшаяся в семинаре П. Ниллина. Повесть эта талантлива, интересна. Евдокимову удалось в образах соревнующихся старого и молодого сталеваров передать типические черты советских рабочих. Это удалось писателю, так как он смело попытался показать своих героев, их мысли и переживания в процессе творческого труда, в увлекательной обстановке производства. Однако Евдокимов снизил ценность произведения, не до конца поверив в свои силы и в возможность полнокровно изобразить героев в труде. Он ввёл в произведение чужеродные приёмы, рассчитанные на возбуждение интереса читателей. Так появилась нелепая интрига с куском ферромарганца. Этот кусок зачем-то валялся во время работы под ногами молодого сталевара, он убрал его до конца смены в ящик. Ферромарганец нашла невеста сталевара, и хотя в поступке её возлюбленного даже самый свирепый прокурор не нашёл бы ничего неблаговидного, она подняла страшный шум. Произошла размолвка, автор мучительно растянул её до конца повести, «развив» интригу в ряде плохих сцен, вроде той, в которой молодой сталевар увидел в окне, как его невесту обнимает незнакомый мужчина. Только основательно помучив читателей и влюблённых, Евдокимов посчитал возможным объяснить, что невесту обнимал её родной отец.

Мне не хотелось бы быть ложно понятым. Я не против любви в книгах, не против изображения героев в домашнем быту, в семье. Как можно! Советского человека надо изображать во всём богатстве его духовной жизни — в гармоническом сочетании личного и общественного. Нельзя не пожалеть, что даже в хороших книгах моих сверстников по литературе любовные отношения героев нарисованы бледнее, чем их отношения общественно-трудовые. Я бы очень хотел, чтобы в умном и хорошем романе И. Котенко «Колхозники» так называемые личные и интимные линии были бы даны вровень с тем, как описаны трудовые интересы колхозников Кубани.

Я против того, чтобы противопоставлять тему общественного труда личной теме, против того предположения, что есть, мол, тонкая область интимных переживаний, когда дело касается любви, и якобы нет этой тонкости и сложности, когда дело касается творческого труда человека. Как раз работа человека, труд его и стали в нашем обществе областью самых тонких, самых интимных душевных переживаний. Вне этого нельзя вообще правдиво показать советского человека. Это первое. И второе: любовь и всякие личные ситуации не имеют цены в произведении, как бы они сами по себе ни были тонко и увлекательно написаны, если за этим не стоят важные морально-нравственные проблемы. Беда и крупный недостаток интересного романа Котенко заключаются не в том, что у него все герои страдают от неудачной любви, а в том, что введённые в книгу лирические коллизии не несут в себе моральных нагрузок, не приводят к решению каких-то проблем, даны для занимательности, для развлечения читателей.

Замечу, кстати, что, по моему мнению, наши даже лучшие писатели не проявили пока новаторской смелости в постановке и разработке жизненно-назревших и важных проблем любви, семьи и быта в такой мере, в какой они проявили её, изображая советского человека в области общественно-трудовых отношений.

На втором Всесоюзном совещании молодых писателей. Участники совещания и гости знакомятся с новинками художественной литературы. Фото Г. Борисова

Уже, подмечена важная новаторская особенность ряда крупных произведений последнего времени: изображение коллектива как естественного для нашей действительности соединения индивидуальных человеческих судеб в могучем товариществе людей, спаянных воедино великой целью и одной всегда конкретной трудовой задачей. Коллектив в качестве центрального героя, много планов и много персонажей — всё чаще это становится отличительной чертой наших книг как закономерное решение писателем задачи возможно достовернее и полнее отобразить гигантские созидательные усилия народа. Большой коллектив возникает в книге как многоликий и сложный образ всего советского общества.

Неимоверно трудна задача показать коллектив, т. е. передать насыщенную духовную жизнь коллектива, множество возникающих в ней ежечасно вопросов и трудностей, и при этом изобразить каждого в отдельности члена коллектива живым человеком с индивидуальными, лишь ему присущими качествами. Для того чтобы выполнить эту задачу, нужно иметь незаурядный талант, глубокое знание типических черт коллектива, большую писательскую подготовку и писательский опыт на предварительном решении менее трудных творческих задач. Необходимо для этого: умение выбирать типическое из груды материала, умение разработать чёткий продуманный план расстановки героев и, главное, способность к огромной, мужественной, упорнейшей и длительной работе над образами и словом.

Конечно, с этой трудной задачей показа коллектива во всей его сложности и полноте мы справились лишь относительно даже в самых хороших наших книгах. Видимо, справедливы упреки, предъявляющиеся к ним: в рыхлости композиции, в некоторой хроникальности повествования, в недоработанности образов, которые исчисляются десятками в романах. Это в удачных книгах. А сколько поучительных неудач можно найти в нашей литературной практике! Часто молодой писатель берётся за создание такого многогеройного и многопланового романа с коллективом, не представив себе всей трудности задачи и просто будучи ещё творчески неподготовленным решить такую задачу.

Характерный пример тому — участник совещания Н. Волков, автор романа «Наше родное». Волков поставил перед собой интересную и большую цель — показать патристический труд огромного миллионного коллектива торговых работников. Как человек способный, он добился некоторых удач в обрисовке главных героев, сумел поэтизировать труд работников торговли. Но недостаточно ответственное отношение к поставленной перед собой задаче и ещё слабая писательская подготовка не позволили Волкову справиться с задачей в полной мере. К сожалению, книга его уже опубликована в Красноярске и Новосибирске, хотя над ней следовало ещё очень много трудиться. По существу, это первый черновой вариант, который надо перерабатывать заново и переписывать ещё не раз.

Хочется подметить ещё одну черту прозы последних лет — новые решения сюжетосложения. Мы знаем, во многих книгах прошлых лет сюжет был заранее подысканным средством занимательности с разными острыми и неожиданными ходами. В последних романах о людях труда сюжеты привносятся жизненным материалом и выражают собой достоверную связь героев в событиях и конфликтах, характерных для того созидательного дела, которое поручено коллективу.

В подобных сюжетах нет примитивной прямолинейности, обнаруживаемой поклонниками и умельцами искусственных сюжетосплетений. Любое важное дело — новаторский почин, укрупнение колхозов, новое строительство — в такой мере сложно, настолько полно трудностей, что писатель, если только он не прибегает к упрощению и к облегчению своего труда, получает широчайшие возможности показать человека во многих проявлениях его качеств. Вспомним, сколько событий, столкновений, конфликтов, мыслей и переживаний возникает в развитии внешне несложного сюжета «Водителей»!

Такие сюжеты нужно находить в жизни. Важно знать описываемое дело — знать и самое важное в нём и многие подробности. В упомя-

нумом большим романе Н. Строевского на сотнях страниц персонажи действуют на строительстве, а строительства нет; непонятно, что делают люди, какие задачи решают, какие преодолевают трудности. Неясна картина ни в целом, ни в подробностях. И тут уж автор просто не смог обойтись без искусственно введённого сюжета, потребовавшегося, чтобы хоть как-нибудь двигать повествование.

Несколько слов о языке. Жаль, что наши специалисты не исследуют язык и стиль произведений, в которых, мне кажется, их авторам удалось при бережном отношении к драгоценным накоплениям классической русской литературы добиться успеха в передаче особенностей языка наших современников. Язык произведений Рыбакова и Антонова, Фоменко и Трифонова, Котенко и Николаевой, Залыгина и Гранина точен, чист и выразителен, и он, главное, передаёт характерные черты языка прообразов.

Исказительство языка, которым занимался А. Белый, было призвано замаскировать путаницу и эклектизм в его мировоззрении. Излишняя живописность, кудреватость и орнаментовка языка почти всегда прикрывают бедность мысли писателя. Ясность и точность языка всегда выражают ясность и точность писательского мышления.

Современный разговорный язык передаёт характер советских людей — их целеустремлённость, деловитость, точность мысли, собранность, энергию. Высокий общеобразовательный уровень, то состояние культуры, при котором весь народ учится и много читает, привели к расчистке языка от областнических искажений, бессмысленных и паразитических слов, «одесских» словесных вывертов. Широкое участие в общественной жизни страны, привычные для миллионов людей выступления на собраниях расширили рамки обиходного бытового словаря. С другой стороны, многообразие профессий, непосредственное знакомство с наукой и техникой обогатили язык новыми понятиями и кроме того приучили к скупой и сдержанной деловой точности выражения мысли.

Все эти качества современного языка отразились в большей или меньшей мере в лучших произведениях наших новых писателей. Но при этом нельзя не признать: правильно нас ругают старые писатели, призывая к ещё большему труду над словом. У нас мала культура

языка, не все из нас так внимательно осваивают опыт классиков, как этого требует наша профессия. Деловитость и сдержанность характера героя не означает, например, что о нём можно писать сухим и стёртым языком. А так подчас получается и у опытных и у молодых писателей. На семинарах самым крупным недостатком в работе молодых прозаиков был признан серый, стёртый и просто неряшливый язык многих произведений.

За годы после первого совещания сложились формы и методы работы с молодыми писателями; в активе Союза писателей есть добрые дела, которые нельзя не видеть. Не без участия Союза писателей пополнилась за это время на 650 человек писательская организация. Не без участия Союза буквально десятки писателей опубликовали свои первые книги и стали известны широкой читательской массе. Если обратиться к практике только четырёх столичных журналов ССП, то увидим: за четыре последних года в них опубликовано 380 произведений молодых писателей, что составляет почти половину всех напечатанных произведений. В одном лишь 1950 году Союз писателей предоставил молодым писателям — не членам Союза — 94 творческие командировки. Союз писателей ввёл в практику и вызов талантливого автора в Москву на обсуждение его творчества, и устройство творческих конференций на местах, и рекомендации произведений новых авторов журналам и издательствам после работы над этими произведениями.

Лично я, как писатель, всегда с благодарностью буду помнить поддержку, полученную мною от Союза писателей в очень трудный для моего творческого пути момент. Думаю, что о помощи Союза помнят и другие писатели с периферии, как Н. Задорнов, К. Седых, А. Пришвин, Ю. Шестаков, В. Закруткин и другие.

И среди участников совещания Ю. Коряков и В. Очеретин из Свердловска, Н. Максимов и Н. Шундик из Хабаровска, Ф. Таурин из Якутска и другие ощутили влияние Союза, помнят, как им помогли в работе и в издании их произведений.

Вместе с тем верна критика нашей работы.

Будем же, товарищи, достойны забот, которые нам оказывают партия, правительство и великий друг советской литературы товарищ Сталин!

НА ОДНОМ СЕМИНАРЕ

К. ЛАПИН

Вот они сидят на стульях вдоль стены, все в ряд, как правило, авторы первых книг, рассказов, очерков, люди разных возрастов и профессий, собравшиеся на один из семинаров прозы второго Всесоюзного совещания молодых писателей. Здесь Любовь Кабо — преподаватель литературы в старших классах московской школы, автор талантливого романа «За Днестром», и Виталий Петлюваный — офицер Советской Армии, написавший на украинском языке роман об Отечественной войне «Хотинцы», Виктор Лавринайтис — члтинский лесник-объездчик, выпустивший в областном издательстве книгу рассказов «Лесники», и Фёдор Эйнтаум — эстонский журналист, автор повести «В курортном городе», пограничники Мартянов и Ардашов, написавшие первые рассказы и очерки о трудной и опасной своей службе.

Кто с робостью новичка, кто с восторгом, кто с любопытством, смотря они на руководителей семинара, таких мастеров прозы, как Илья Эренбург, Константин Паустовский, Александр Бек, которых они доселе знали лишь по книгам да портретам, на Виталия Закруткина, автора «Пловучей станции», получившего в этом году Сталинскую премию.

С каким-то радостным подъёмом, в атмосфере общей взволнованности проходит обсуждение повести Ф. Эйнтаума «В курортном городе». Произведение это, по общему признанию руководителей семинара и его участников, — радостное явление в нашей литературе. Константин Паустовский поздравляет присутствующих с приходом в советскую литературу нового мастера.

Фёдор Эйнтаум рассказывает о себе, о своей почти двадцатилетней работе в газете. Страдая от последствий контузии, полученной во время ленинградской блокады (он и сейчас плохо слышит и вынужден слушать выступающих, придерживая ладонь щитком возле уха), Эйнтаум жил после войны в эстонском курортном городке Пярну. Работая уездным корреспондентом газеты «Советская Эстония», он собрал интересный материал для книги очерков о прибалтийском курорте. Писал эту книгу он, по собственному признанию, с большим волнением, стараясь обобщить все те явления, которые сам наблюдал и слышал.

По мнению всех выступающих на обсуждении, автор блистательно справился с этой задачей. Через семью старого эстонского рабочего Хендрика Тонингаса, потерявшего в годы буржуазного режима своего единственного сына Хейно, писатель сумел показать судьбу трудолюбивого эстонского народа, возродившегося к жизни лишь в годы советской власти.

Александр Бек начинает разбор повести.

Соглашаясь с Эренбургом, отмечавшим, что герои повести запоминаются, как живые люди, чего нельзя сказать о многих действующих лицах ряда произведений других молодых авторов, А. Бек подробно разбирает, с помощью каких средств и приёмов добился автор этого. Он всецело присоединяется к тем выступающим, которые отмечают точный, насыщенный, содержательный язык Эйнтаума, его «литую фразу», в которой нельзя переставить даже запятую, как выразился Паустовский.

Внимательно слушают молодые писатели разбор, и видно по лицам их, что они понимают серьёзность этого большого, глубокого разговора об ответственности автора за каждое слово, фразу, запятую. Это наука на будущее, это подлинная школа мастерства, которую прошли масте-

ра прозы. А когда между руководителями семинара возникает жаркий принципиальный спор на тему, что такое талант и можно ли его развить, лица сидящих загораются, они боятся пропустить хотя бы одно слово. Не в таких ли спорах рождаются истины, необходимые молодым писателям?

Касаясь некоторых моментов статьи Ильи Эренбурга, напечатанной недавно в «Литературной газете», Бек возражает против недооценки автором статьи важности собирания писателем материала, знакомства с непосредственной действительностью. Он рассказывает, как помогли ему изучение натуры, встречи с живыми героями при создании повести «Волоколамское шоссе».

Эренбург энергично протестует против упрощённого толкования его мысли. Писатель, по его мнению, должен жить интенсивной жизнью, учиться у жизни до последних дней своих, как можно глубже познавать людей и мир. Он возражает лишь против изучения жизни только методами специальных «творческих командировок», ибо у писателя вся жизнь — творчество. Жадный интерес к жизни — это великое свойство писателя; лень, отъединение от жизни — это проклятие для него. Различные методы работы, — их столько, сколько писателей, — но главная задача каждого писателя одна: показ живого человека.

Подчёркивая достоинства поэтичной, взволнованной, честной книги Эйнтаума, жизненность её героев, Эренбург говорит и о том, что кое-где поэтичность переходит в манерность, стилизацию, отчего появляется ласковый, несколько сентиментальный тон. Не верит он в жизненность образа шведа — владельца курорта: слишком уж он утрирован автором как злодей. Эренбург отмечает также некоторые мелкие стилистические погрешности, например, два неудачно стоящих рядом эпитета: «плавный, стремительный вальс».

Уровень выступлений и активность выступающих на семинаре очень высоки. Почти каждая фраза и положение вызывают встречные оценки. То и дело произносятся имена Чехова, Толстого, Тургенева, Горького.

Виталий Закруткин отмечает слабый, схематичный показ в повести коммунистов, в частности, бледен, по его мнению, образ парторга Каласа, который должен одухотворять остальных героев книги своей идеей, своей борьбой за новое, своим примером. Скучно, слабее других — сцен написано партийное собрание. А ведь эта сцена венчает всё происходящее в повести, она могла бы стать центральным моментом книги, через который была бы яснее дорога героев в светлое, коммунистическое завтра!

В заключение Фёдор Эйнтаум благодарит выступавших за товарищескую, высококвалифицированную, глубокую критику. Он согласен со всеми замечаниями, кроме некоторых мелочей. Критика эта поможет ему при выпуске книги отдельным изданием, а также поможет в работе над начатой им новой повестью об эстонских стахановцах — новаторах производства.

Много полезного узнали, большую творческую зарядку получили молодые писатели на семинарах. И писатели старшего поколения довольны: их подхватила молодая творческая волна, они сами полны новых замыслов и идей.

Новые книги, песни, стихи будут созданы после совещания.